

*СИМАШКО Татьяна Васильевна, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и германского языкознания гуманитарного института филиала Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова в г. Северодвинске. Автор 140 научных публикаций, в т. ч. 8 монографий (7 – в соавт.) и 6 учебных пособий**

МОДЕЛИРОВАНИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ НА ОСНОВЕ ДЕНОТАТИВНО СВЯЗАННЫХ ЕДИНИЦ

В данной статье рассматривается методика моделирования концептуальных структур на основе денотативно связанных единиц как первый этап в фрагментации объекта действительности. Обосновывается подход к структурированию объема знаний об объекте, зафиксированного языковыми единицами, с позиции реализации кумулятивной функции языка. Признается, что объект действительности, рассматриваемый как область, которая подвергается когнитивной обработке и является основой формирования ментальной сущности, находит выражение в языке, но не в одном знаке, а в их множестве. Поскольку выражение знаний о каком-то из объектов «дробит» его, т. е. в семантике отдельной единицы отражается лишь часть сведений о нем, то, как правило, знаковый коррелят, указывающий на объект, представлен в значениях в скрытом виде. Таким коррелятом, указывающим на конкретную область действительности и обнаруживающим с ним устойчивую связь, считается повторяющийся во множестве единиц денотативный признак. Совокупность единиц, обладающих общим формальным и семантическим компонентом, можно признать как исторически сложившийся естественным образом в языке пласт информации об объекте, что позволит подойти к структурированию объема знаний об объекте с позиции реализации кумулятивной функции языка. При моделировании фрагмента (объекта) национальной картины мира важно привлечь материал, который бы соответствовал этому понятию, поэтому в статье к анализу привлекаются единицы не только литературного языка, но и имеющие место в других формах существования общенационального языка, прежде всего в диалектах как одном из основных идиомов языка. На примере моделирования одной концептуальной структуры раскрывается богатая и разнообразная информация о свойствах определенного объекта, выявляются особенности вербализации отдельных компонентов концептуальной структуры посредством литературных и диалектных единиц.

Ключевые слова: *концептуализация, моделирование структуры знаний, денотативный класс, литературные единицы, диалектные единицы.*

*Адрес: 164520, г. Северодвинск, ул. Воронина, д. 6; e-mail: t.simashko@narfu.ru.

Для цитирования: Симашко Т.В. Моделирование концептуальной структуры на основе денотативно связанных единиц // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2016. № 6. С. 128–137. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2016.6.128.

Вопросы концептуализации и категоризации действительности активно изучаются на основе различного материала с использованием разных приемов анализа [1–4]. Формулируя предмет когнитивной лингвистики, Н.Ф. Алефиренко пишет, что в поле внимания оказываются такие феномены, как «язык – мышление – сознание» [5, с. 76]. Сказанное, с одной стороны, хорошо ограничивает предмет исследования, а с другой – вызывает ощущение неполноты из-за отсутствия феномена «действительность», без ориентации на который в реальности не обходится ни одно исследование. Тем более если согласиться с тем, что само содержание когниции предполагает и такой процесс, как «“перевод” обыденного опыта (телесного, чувственно-наглядного, сенсорно-моторного) каждодневного взаимодействия человека с окружающим миром в сферу языкового сознания» [5, с. 76].

Представляется, что процесс «перевода» знаний об объекте мира «в сферу языкового сознания» не может оставаться за пределами предмета когнитивной лингвистики и должен быть обозначен. Конечно, лингвист занимается изучением «отраженных в языковых знаках знаний, закономерностей их передачи, организации, хранения, извлечения из памяти и т. д.» [5, с. 76]. Однако начальный процесс познания, как и результат, к которому стремится исследователь, – осмыслить через языковые единицы имеющиеся знания о мире – предполагает обращение к объектам, стоящим вне ментального пространства.

Раскрывая особенности комплексного осещения языковых явлений в когнитивных исследованиях, Н.Н. Болдырев выделяет среди прочих собственно-репрезентативный аспект, который «предполагает, в первую очередь, первичную концептуализацию и категоризацию мира (и первичную репрезентацию знаний о нем соответственно)» [6, с. 9], получающую выражение в лексических единицах. Важной представляется мысль ученого о том, что «следствием этих процессов становится выделение

объектов и событий окружающего мира разной степени сложности и их осмысление в качестве единиц знания разного формата» [6, с. 9].

Представляется, что объект действительности как область, которая подвергается когнитивной обработке и является основой формирования ментальной сущности, находит выражение в языке, но не в одном знаке, а в их множестве, хотя бы потому, что любой объект подвергается разнообразной интерпретации. Поскольку выражение знаний о каком-то из объектов «дробит» его, т. е. в семантике единиц отражается лишь часть сведений о нем, то, как правило, знаковый коррелят, указывающий на объект, представлен в значениях в скрытом виде.

Исследуя единицы, отражающие знания человека о природных явлениях, мы убедились, что словарный состав позволяет не только выявить совокупность номинаций, отражающих эти знания, но и дифференцировать данную совокупность в виде отдельных компактных классов. Каждая единица такого класса обладает одним и тем же денотативным признаком, указывающим на конкретную область действительности, и, следовательно, свидетельствует о непосредственной и устойчивой связи единиц такого класса с объектом, хотя на первый взгляд называемые ими предметы (в широком смысле слова) могут и не обнаруживать смыслового единства. Например, слово *погон* обозначает новые побеги, ростки на злаковых растениях, однако существенно, что речь идет о побегах, появившихся после ‘поздних дождей’¹. Данный признак указывает, что в этом слове фиксируются не только сведения о растениях, но и об одном из свойств дождя. Наличие денотативного признака ‘дождь’ во множестве слов можно признать знаковым коррелятом определенной области действительности, а сама совокупность единиц составляет денотативный класс <дождь>.

Таким образом, совокупность единиц, объединенных денотативной общностью, сообщает исследовательской базе определенность в силу наличия формального признака в их значении,

¹Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского словаря: в 4 т. М., 1978–1980. Т. 3. С. 152.

внутренней форме или в том и другом. Конечно, при таком отборе не исключены некоторые сложные случаи, что, впрочем, бывает всегда, когда речь идет о семантике.

Вместе с тем для выявления объема концептуальной информации, ее структурирования существенно определить источники материала. Это могут быть факты литературного языка или какого-то диалекта. Но если говорить об изучении фрагмента (объекта) национальной картины мира, то важно привлечь материал, который бы соответствовал этому понятию, т. к. именно он определяет совокупность выделяемых концептуальных структур и особенности их взаимосвязи. Следовательно, в этом случае необходимо рассматривать единицы не только литературного языка, но и имеющие место в других формах существования общенационального языка, прежде всего в диалектах как одного из основных идиомов языка.

Отметим, что отсутствие в денотативном классе литературных слов для выражения свойств объекта еще не является аргументом в пользу незнания этих свойств. Тогда как наличие единиц в других идиомах, отражающих свойства, незафиксированные литературными единицами, думается, можно считать аргументом того, что это свойство объекта освоено и стало компонентом когнитивного пространства: «...люди мыслят сущностями» [7, с. 21]. Результаты познания аккумулируются национальным сознанием, а слова, их выражающие, могут иметь различную судьбу.

Есть мнение, что при исследовании процесса концептуализации «целесообразно четко придерживаться синхронного среза при описании, диахронию можно использовать лишь для объяснения тех или иных изменений в концепте, тех или иных его черт» [8, с. 63]. Однако знания об объектах мира накапливаются веками и формируют концептуальные структуры, хотя не все их языковые репрезентанты оказываются современными единицами, которые

(что важно для нас) обладают денотативной общностью.

Таким образом, изложенный подход направлен на выявление особенностей реализации кумулятивной функции языка, а значит, позволяет моделировать концептуальные структуры, сложившиеся в национальном сознании в целом. Тем самым мы сознательно снимаем не только территориальные, но и хронологические ограничения.

Изучение разных денотативных классов показывает, что им присущи не только специфические черты концептуализации, но и различная степень близости в представлении знаний о природных объектах. Рассмотрим концептуальную структуру «способность *дождя* достигать поверхности, изменять ее вид, скапливаться на ней». Она интересна тем, что обнаруживает значительное сходство с подобной структурой, имеющей место в денотативном классе <снег>, а на этом фоне и заметнее их различие.

Из общих знаний об этих атмосферных осадках ясно, что они не только падают на землю, но и скапливаются на поверхностях, каким-то образом изменяют ее. Во всех литературных словарях второе значение слова *снег* (или его употребление) формулируется как «Сплошная масса таких осадков, покрывающая какое-л. пространство»², «Сплошная масса этих осадков, покрывающая землю»³. Однако в значении слова *дождь* подобные признаки не фиксируются, хотя это вовсе не означает, что это свойство не выявлено носителями языка и не находит отражения в единицах денотативного класса <дождь>.

В связи с этим подчеркнем, что имена денотативных классов («восходящие» к денотативному признаку) представляют собой имена-метки фрагментов действительности, а значения слов *снег* или *дождь* отражают лишь часть знаний о называемых ими природных явлениях.

Конечно, выразить мысль о результате действия дождя, достигшем поверхности, можно словами литературного языка, но они обладают более широким значением и находятся

²Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1981–1984. Т. 4. С. 164.

³Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М., 2007. Т. 4. С. 318.

за пределом денотативного класса: *грязь* – ‘размякшая *от воды* земля, почва’, *лужа* – ‘углубление со скопившейся *водой*’⁴.

Представление о скоплении на поверхности дождевых масс находит отражение в денотативно связанных единицах, бытующих в диалектах. Для их толкования диалектологи нередко используют слово более широкой семантики – *лужа* – и подчеркивают признак ‘от дождя’. Например: ‘лужа после (от) дождя’: *калужина* Нижегород., Куйбыш.; *лядина* Костром.; *налужни* Пск., Твер.; *намочь* Пск., Твер.⁵ и др.

Как в этом случае, так и в других различные компоненты одной и той же концептуальной структуры могут быть установлены на основе семантически однородных групп денотативно связанных единиц, которые отражают определенное свойство дождя. Отдельные значения слов, конечно, обладают индивидуальностью, но присущая им семантическая общность позволяет считать их репрезентантами того или иного компонента.

Одним из таких компонентов рассматриваемой концептуальной структуры является номинация процесса выпадения дождя с фиксированием его результата. Репрезентируется этот компонент, как правило, глаголами, например: *залужиться* Пск. – ‘покрыться лужами после дождя’; *нападать* Арх., *нападывать* Арх., *наплувадить* Смол. – ‘образовывать лужи’, *наплюхать* Нижегород., Краснояр. – ‘наделать лужи’⁶. Признак ‘накапливаться на более низких поверхностях’ содержится в значениях слов, обозначающих место не только на земле, но и на воде, например: *перекатить* Горно-Алт. – ‘переполнить дождевой водой водоем’: *Всю реку перекатило, такой ливень был*⁷.

Таким образом, закрепление представлений о дождевой воде, накапливающейся на поверхности, находит выражение в ее способности локализоваться в пространстве, причем в этом случае доминантным в значениях слов является признак ‘вместилище’ – углубления, низины, ямы. Этот признак, явно невыраженный, но, безусловно, осознаваемый в приведенных выше примерах, в других значениях актуализируется и конкретизируется, что и фиксируется в толковых словарях: *ляга* – ‘Углубление между скалами, в котором собирается дождевая вода. Арх., Беломор. / Низкое место между двумя возвышенностями, заливаемое водой в период дождей’⁸; *кодолба, кодолбина* Зап.-Брян. – ‘Небольшая яма, наполненная дождевой водой’⁹; *лужавина, лужжавина* Пск., Твер. – ‘сырое место, в котором после дождя образуется лужа’¹⁰.

В этих и подобных случаях в каждом из значений слов доминантным признаком, как было отмечено, является пространственный компонент – ‘вместилище’. В то же время нельзя не заметить, что в целом значение слов не просто отражает вместилище как некий предмет, а фиксирует целое событие, в котором активным деятелем является дождь. Наименование в каждом слове конкретного «вместилища» (‘углубление между скалами’, ‘небольшая яма’, ‘низкое место’ и т. д.) – это особые объекты, которые выделены в мире в результате наблюдений именно над дождем как природным явлением и, соответственно, закреплены в отдельном значении. Доминантный признак в значениях рассматриваемых слов – это лишь один из участников свернутой ситуации, компонент пространственной локализации дождя,

⁴Словарь русского языка. Т. 1. С. 354; Т. 2. С. 203.

⁵Словарь русских народных говоров. М.; Л.; СПб., 1965–2013. Вып. 1–46. Вып. 12. С. 367; Вып. 17. С. 263; Вып. 20. С. 24, 42.

⁶Там же. Вып. 10. С. 223; Вып. 20. С. 59, 60, 81, 82.

⁷Там же. Вып. 26. С. 120.

⁸Там же. Вып. 17. С. 253.

⁹Там же. Вып. 14. С. 45.

¹⁰Там же. Вып. 17. С. 181.

отражающий наше знание «поведения» дождя, достигшего поверхности земли.

Для моделирования концептуальных структур, отражающих знания о дожде, как и любом другом объекте, не столько важно, какой признак является доминантным в конкретном лексическом значении, сколько то, как он связан с именем денотативного класса и, следовательно, какие свойства, качества или действия данного объекта отражает.

Отметим, что как в приведенных примерах, так и в целом значение слова принципиально не может быть одноэлементным. Содержательно слово всегда представляет собой определенную структуру, которая может быть описана лишь с привлечением нескольких компонентов. Думается, вполне справедлива мысль В.С. Юрченко, хотя и сказанная по другому поводу, о том, что «словарь (имеется в виду словарь-книга) – это расписанные по словам в алфавитном порядке предложения» [9, с. 37–38]. Ученый объясняет соотношение слова и его толкование таким образом: «...нелинейный, симультанный предметно-признаковый сигнификат» преобразуется в «линейный предметно-признаковый сигнификат» [9].

Обращаясь к толковым словарям как источникам для формирования базы, на основе которой можно моделировать ядро знаний о фрагменте мира, мы проецируем линейное предметно-признаковое содержание на содержание имени денотативного класса, что позволяет «увидеть» изучаемый объект с одной из его сторон. Именно это можно считать условием моделирования концептуальных структур как ядра знаний об определенном фрагменте мира, сложившихся в национальном языке. За пределами ядра компоненты этой структуры могут быть представлены иначе: словами более широкой семантики, описательно, образны-

ми высказываниями и т. д., но это уже другой вопрос.

Природные свойства дождя – выпадение в виде жидкости – обуславливают его способность локализоваться на поверхности земли не только в имеющихся впадинах, но и иначе, что находит отражение в целом ряде значений слов, обозначающих разливы, ручьи, потоки. Например: *водополица, водополь* Вят., Нижегород., Влад. – ‘разливы, наводнение от обильных дождей’; *грушовка* Терек. – ‘разлив от дождей во время цветения груш’¹¹; *полой* Горьк. – ‘дождевой поток’; *поточевина* Пск., Твер. – ‘сток дождевой воды, ручеек’¹². То, что речь идет именно о дождевой воде, а не о каких-то других источниках жидкости, подчеркивается в словарях. В.И. Даль делает это через противопоставление, например: *поводь, поводье, поводок* – «потоп <...>, но не в ростополь, а от ливня или сильных дождей»¹³.

В семантике ряда слов фиксируется разрушительная сила дождевых масс при их воздействии на землю, например: *водороина* Перм., Ср. Урал – ‘рытвина, прорытая дождевой водой’; *моина, мойна* Горьк. – ‘впадина в земле, размытая ливнем’¹⁴; *наливни* Пск., Твер. – ‘промоины (впадины) от дождя’; *намойни* Пск., Твер. – ‘размывы от дождей’¹⁵. Это же свойство находит выражение в литературном слове *промоины*, правда, с дополнительными признаками обобщающего характера, из которых следует, что такие впадины могут появляться не только от дождевой воды, см.: *промоина* – ‘Впадина в земле, промытая ливнем, образованная потоком воды’¹⁶.

В приведенных примерах компонент пространственной локализации, как и в словах с признаком ‘вместилище’, является доминантным признаком – ‘разливы’, ‘поток’ ‘образуемые впадины’ и т. д. Однако в семантике этих

¹¹Словарь русских народных говоров. Вып. 4. С. 345, 436; Вып. 7. С. 172.

¹²Там же. Вып. 29. С. 108; Вып. 30. С. 299.

¹³Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского словаря. Т. 3. С. 145.

¹⁴Словарь русских народных говоров. Вып. 4. С. 436; Вып. 18. С. 206.

¹⁵Там же. Вып. 20. С. 15, 39.

¹⁶Словарь русского языка. Т. 3. С. 503.

слов содержатся и познанные свойства дождевых масс: удерживаться на относительно больших площадях ('разлив'), совершать стремительное движение ('поток', 'сток'), разрушать поверхность земли ('впадины', 'рытвины'). Выявленные концептуальные признаки становятся основой для формулирования компонентов моделируемой концептуальной структуры.

Схожие концептуальные признаки выявляются и при анализе единиц денотативного класса <снег>. В то же время сопоставление показывает, что не только компонент пространственной локализации представлен иначе, но и распределение литературных и диалектных единиц в его репрезентации различно. Так, свойство снега 'достигая поверхности, скапливается на ней' в отличие от единиц денотативного класса <дождь> закрепилось в значительном количестве слов литературного языка. Например: *заснеженный* – 'покрытый снегом'; *напорошить* – 'нападать, насыпать (о мелком снеге)'; *снеговой* и *снежный* – 'покрытый снегом'; *сугробистый* – 'покрытый сугробами'¹⁷ и т. д.

Что же касается диалектных единиц этого денотативного класса, то они исчисляются десятками и демонстрируют разнообразие объектов, которые покрывает снег: *мятик* Олон. – 'дорога, покрытая свежим глубоким снегом'; *накат* Горно-Алт. – 'пласт снега на горе, в овраге'¹⁸; *кухта* Новосиб., Енис., Том., Омск, Иркут., Якут., Перм., Волог., Арх. – 'снег на ветках деревьев'; *кухтырь* Сев.-Двин. – 'затвердевший снег на пне или низкорослом деревце'; *амёт* Олон. – 'сугроб возле дома, изгороди'¹⁹ и т. д.

Концептуальные структуры, моделируемые на основе единиц денотативного класса, обнаруживают как непосредственные, так и опосредованные связи. Практически всегда концептуальные структуры ситуативного типа находятся

в непосредственной связи со структурами параметрического типа, которые отражают характерные особенности активного деятеля и, как следствие, обуславливают возникновение тех или иных ситуаций. Иногда параметры активного деятеля проявляются одновременно с отсылкой к ситуации, в этом случае номинация дождя отражает и характер его действия, например: *налой* Нвг. – 'ливень, особенно при колошении хлеба, который от этого ложится'²⁰.

Особая разновидность дождя, которую можно считать компонентом рассматриваемой концептуальной структуры, находит выражение в словах *наливка* Арх. – 'Ливень, сильный дождь, когда ямы наполняются водою'; *поливан* Пск. – 'Дождь, хорошо смачивающий (поливающий) почву'²¹. Однако для данного класса это редкий случай, хотя, например, такой способ концептуализации весьма распространен в денотативном классе <ветер>.

Сравнение единиц, репрезентирующих компоненты сходных концептуальных структур различных денотативных классов, позволяет установить категориальные признаки, на основе которых сближаются объекты, и тем самым выявить единицы, обладающие более высокой степенью обобщения по сравнению с единицами каждого из них в отдельности. Так, были обнаружены слова, называющие объекты, ставшие результатом действий и дождя, и снега в одном из его состояний. Например: *калуга* Пенз. – 'лужа, образовавшаяся после дождя или оттепели'; *лывка* (ласк.) Сиб. – 'ручей после дождя или таяния снега'; *поточина* Сев.-Двин., Кемер., Арх. – 'поток *вешней* или *дождевой* воды, ручей'²² и многие др.

В то же время денотативный класс <снег> содержит единицы, которые отражают представление о результате действий не дождя,

¹⁷Словарь русского языка. Т. 1. С. 573; Т. 2. С. 382; Т. 4. С. 164, 300.

¹⁸Словарь русских народных говоров. Вып. 19. С. 90, 308.

¹⁹Там же. Вып. 16. С. 184, 185; Вып. 23. С. 200.

²⁰Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского словаря. Т. 2. С. 435.

²¹Словарь русских народных говоров. Вып. 20. С. 15; Вып. 29. С. 69.

²²Там же. Вып. 12. С. 367; Вып. 17. С. 218; Вып. 30. С. 299.

а именно тающего снега: *ливка* Сиб. – ‘лужа во время *оттепели*’; *водоходь* Олон. – ‘ручейки, появившиеся весной *при таянии снега*’²³; *заливня* Калуж. – ‘место, заливаемое *в половодье*’; *натаяй* Пск., Твер. – ‘вода, образующаяся *при таянии снега*’²⁴.

Категориальный признак ‘вода (жидкость), водные массы’ может проявляться в ряде слов, отражающих еще более высокую степень обобщения: *багно* Курск. – ‘грязное место, грязь, постоянно с *водой*, лужа’; *калуга* Пенз. – ‘вымоина, яма с *водой*’²⁵. Значением ‘яма, наполненная *водой*’ обладают слова *бокалдина* Влад.; *голдобина* Влад., Лат. ССР; *колдобаина* Тул., Ряз.²⁶ и др.

В литературном языке имеется немало слов, в значениях которых отражается высокая степень обобщения: *лить* – ‘течь сильно или непрерывным потоком (о жидкостях)’; *промочить* – ‘напитать влагой’²⁷ и др.

Интересно, что на разных территориях зафиксированы слова, в значении которых свойство почвы, земли становится мокрой, увлажненной связывается с действиями именно дождя, нередко при этом фиксируются сведения о степени увлажнения почвы. Например, признак ‘хорошо промочить, увлажнить почву дождем’ содержится в словах *набаглить* Курск., Орл.; *набурить* Смол.; *отмочить* Пск.²⁸; *помока* Перм., Сверл., Курган., Тобол.; *помочка* Арх., Калинин., Ряз., Калуж., Тул.²⁹ Признак ‘слегка смочить землю, почву’ – например, в слове *отпотить* Арх.: *Мало дождя-то, но и то ничего*

*отпотило*³⁰. В нашем материале преобладают слова, в которых закрепляется свойство дождя хорошо, значительно увлажнять почву. Надо полагать, это неслучайно и характеризует большую значимость этого признака дождя в крестьянской среде, как говорится в пословице: *Даст Бог дождь, уродится и рожь*³¹.

Знания о результате действия дождя на поверхность представлены устойчивыми сочетаниями: *ливное место* Север. – ‘место, заливаемое дождевой водой’; *ополоскать землю* Костр. – ‘сильно намочить, залить дождевой водой’³². В устойчивом выражении *поточная вода* Перм., Арх., Костром., Твер., Коми АССР отражается не только место ее падения (крыши домов) – ‘дождевая вода, набежавшая с крыши’³³, но и замеченные людьми ее полезные свойства: *Вода-то поточна мягка*. В некоторых случаях подобное значение фиксируется и в словах, например: *застреха* Твер. и *застрешки* Волог. – ‘дождевая вода, сбегаящая с крыши’³⁴.

Сопоставление компонентов, сходных во многих отношениях концептуальных структур, позволяет увидеть, что некоторые общие знания не получают языкового выражения посредством единиц одного из денотативных классов. Например, такое свойство дождя, как ‘увлажнять почву, делать ее мягкой’, сообщает ей способность сохранять отпечатки различных предметов при давлении на нее или соприкосновению с ней. Однако в собранном материале денотативного класса <дождь> единиц с таким значением нет.

²³Словарь русских народных говоров. Вып. 17. С. 42; Вып. 4. С. 347.

²⁴Там же. Вып. 10. С. 208; Вып. 20. С. 213.

²⁵Там же. Вып. 2. С. 34; Вып. 12. С. 367.

²⁶Словарь русских народных говоров. Вып. 3. С. 68; Вып. 6. С. 289; Вып. 14. С. 115.

²⁷Толковый словарь русского языка. Т. 2. С. 73; Т. 3. С. 966.

²⁸Словарь русских народных говоров. Вып. 19. С. 103, 139; Вып. 24. С. 244.

²⁹Там же. Вып. 29, С. 220, 227.

³⁰Там же. Вып. 24. С. 277.

³¹*Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского словаря. Т. 3. С. 547.

³²Словарь русских народных говоров. Вып. 17. С. 218; Вып. 23. С. 277.

³³Там же. Вып. 30. С. 301.

³⁴Там же. Вып. 24. С. 79.

В то же время денотативный класс <снег> содержит немало единиц, которые отражают представление о следах на снегу, например: *сакма* Новосиб. Симв. – ‘*волчий след* по глубокому мягкому снегу’³⁵. Иногда в значении фиксируется не только то, кому принадлежит след, но и его особенности, например: *двойка* ‘след, по которому *заяц* прошел *дважды*’, *двоюночный след* Урал. ‘след *куницы* за *две ночи*’³⁶. Чаще всего в значении слов, обозначающих отпечаток на снегу, содержится уточняющий признак: ‘след зверя’, ‘от саней’, ‘нарт’, ‘лыж’. Такая дифференциация является следствием значимости этих знаний в жизни людей: *Охотимся, много бродков увидим, – значит, рябчиков, глухарей много где-то*³⁷; *Иди по полознице, не заблудишься, где полозница* Коми АССР – ‘след на снегу от саней’³⁸.

Приведенное сопоставление, конечно, не значит, что след, оставленный на промокшей от дождя почве, не способен стать значимым для человека, как в случае со следом на снегу, и что его нельзя назвать языковой единицей. В литературном языке есть слово широкой семантики – *след* ‘отпечаток, оттиск ноги или лапы

на какой-то поверхности’³⁹. Однако нельзя не заметить и то, что даже сходные или одинаковые свойства объекта (как, например, след, возможный на мокрой земле или снеге) устойчиво могут фиксироваться лишь единицами одного денотативного класса и не находить отражения в единицах другого класса.

Таким образом, анализ денотативно связанных единиц на примере моделирования даже одной концептуальной структуры раскрывает богатую и разнообразную информацию о свойствах определенного объекта. Единицы денотативного класса, обладающие общим формальным и семантическим компонентом, можно признать как сложившийся в языке естественным образом пласт информации, который непосредственно связан с объектом. Это позволяет подойти к структурированию объема знаний об объекте с позиции реализации кумулятивной функции языка, рассматривая при этом денотативно связанные единицы как наиболее конкретную ступень обобщения свойств познанного объекта, которые дают возможность обнаружить «низший», базовый пласт концептуально значимой информации.

Список литературы

1. *Беседина Н.А.* Концептуально-репрезентативный анализ как метод изучения морфологической репрезентации в языке // Сиб. филол. журн. 2011. Вып. 1. С. 178–183.
2. *Домбровская М.В.* Концепт «дождь» как компонент национальной картины мира (на материале французского и русского языков): дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2006.
3. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Семантико-когнитивный анализ. Воронеж, 2007. 250 с.
4. *Смирнова О.М.* К вопросу о методологии описания концептов // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. Сер.: Филология. Искусствоведение. 2009. № 3. С. 247–253.
5. *Алефиренко Н.Ф.* Когнитивная лингвистика: предпосылки, предмет, категории // Вестн. Вят. гос. гуманит. ун-та. 2008. Т. 1. Вып. 2. С. 75–78.
6. *Болдырев Н.Н.* Теоретические основы и методологические принципы когнитивного исследования языка // Вестн. Челябин. гос. ун-та. Сер.: Филология. Искусствоведение. 2013. № 24(315). С. 7–13.

³⁵Словарь русских народных говоров. Вып. 36. С. 50.

³⁶Там же. Вып. 7. С. 291.

³⁷Словарь говоров д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь). Пермь, 1984–2003. Вып. 1–5. Вып. 1. С. 91.

³⁸Словарь русских народных говоров. Вып. 29. С. 105.

³⁹Словарь русского языка. Т. 4. С. 132.

7. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопр. языкознания. 1994. № 4. С. 17–33.
8. Стернин И.А. Методика исследования концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001. С. 58–65.
9. Юрченко В.С. Реальное время и структура языка. Саратов, 1994. 47 с.

References

1. Besedina N.A. Kontseptual'no-reprezentativnyy analiz kak metod izucheniya morfologicheskoy reprezentatsii v yazyke [Conceptual-Representative Analysis as a Method of Studying Morphological Representation in a Language]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal*, 2011, no. 1, pp. 178–183.
2. Dombrovskaya M.V. *Kontsept "dozhd'" kak komponent natsional'noy kartiny mira (na materiale frantsuzskogo i russkogo yazykov)*: dis. ... kand. filol. nauk [The Concept of Rain as a Component of the National Worldview (Based on the French and Russian Languages): Cand. Philol. Sci. Diss.]. Novosibirsk, 2006.
3. Popova Z.D., Sternin I.A. *Semantiko-kognitivnyy analiz* [Semantic and Cognitive Analysis]. Voronezh, 2007. 250 p.
4. Smirnova O.M. K voprosu o metodologii opisaniya kontseptov [On the Methodology of Concept Investigation]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Ser.: Filologiya. Iskusstvovedenie*, 2009, no. 3, pp. 247–253.
5. Alefirenko N.F. Kognitivnaya lingvistika: predposylki, predmet, kategorii [Cognitive Linguistics: Background, Subject, Categories]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*, 2008, vol. 1, no. 2, pp. 75–78.
6. Boldyrev N.N. Teoreticheskie osnovy i metodologicheskie printsipy kognitivnogo issledovaniya yazyka [Theoretical Grounds and Methodological Principles of a Cognitive Study of Language]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filologiya. Iskusstvovedenie*, 2013, no. 24, pp. 7–13.
7. Dem'yankov V.Z. Kognitivnaya lingvistika kak raznovidnost' interpretiruyushchego podkhoda [Cognitive Linguistics as a Type of Interpretive Approach]. *Voprosy yazykoznaniiya*, 1994, no. 4, pp. 17–33.
8. Sternin I.A. Metodika issledovaniya kontseptov [Methods of Studying Concepts]. *Metodologicheskie problemy kognitivnoy lingvistiki* [Methodological Problems of Cognitive Linguistics]. Voronezh, 2001, pp. 58–65.
9. Yurchenko V.S. *Real'noe vremya i struktura yazyka* [The Real Time and Language Structure]. Saratov, 1994. 47 p.

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2016.6.128

Tat'yana V. Simashko

Severodvinsk Branch of Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov
ul. Voronina 6, Severodvinsk, 164520, Russian Federation;
e-mail: t.simashko@narfu.ru

CONCEPTUAL STRUCTURE MODELLING ON THE BASIS OF DENOTATIVELY RELATED UNITS

This article dwells on the methodology of conceptual structure modelling on the basis of denotatively related units as the first stage in the fragmentation of an object of reality. Further, the paper substantiates the approach to structuring knowledge about the object, which is fixed in language units, from the

For citation: Simashko T.V. Conceptual Structure Modelling on the Basis of Denotatively Related Units. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2016, no 6, pp. 128–137. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2016.6.128.

standpoint of fulfilling the cumulative language function. It is acknowledged here that an object of reality, considered as an area that is subjected to cognitive processing and is the basis for mental essence, is realized in a language, though not in one sign but in their multitude. The expression of knowledge about any object "splits it up", i.e. only some part of information about the object is reflected in the semantics of a certain unit. Thus, as a rule, the sign correlate denoting the object is presented in the meanings only implicitly. Such a correlate, pointing to a concrete sphere of reality and having a stable connection with it, is considered to be the denotative feature repeating in a variety of units. A combination of units having common formal and semantic components can be considered as a natural, historically established layer of information about an object in a language. It allows us to structure the knowledge about an object from the standpoint of fulfilling the cumulative function of a language. While modelling a fragment (object) of the national worldview, it is important to find material that could correspond to this concept. That is why this article analyses not only units of literary language but also those found in other forms of existence of a national language (first of all in dialects). Using the example of modelling one conceptual structure, the author of this paper showed varied and extensive information about the properties of a certain object and revealed peculiarities of verbalization of separate conceptual structure components by means of literary and dialect units.

Keywords: *conceptualization, knowledge structure modelling, denotative class, literary units, dialect units.*

Поступила: 09.07.2016
Received: 9 July 2016